

Никита Блинов

х х х

Как сладко мчаться в лунном свете
в метельну ночь. в полях родных
в начале прошлого столетья
в Саратов-на-перекладных!
А-то и в собственной карете...
Да не в Саратов - в Петербург!
Да можно и в кабриолете!
Да даже просто в драндулете! ...
Когда Декабрь как Демиург
повелевает сонмом пург,
и все белым бело на свете,
лететь себе, виденьем-став!
Мелькают версты полосаты,
и часовые у застав ...
седы, продрогши и усаты
сменяются, бледут устав; ...
и спать плетутся, смену сдав.
Как сладко мчаться ночью в бричке,
когда возница Филимон,
на козлах сидя, мудазон!
поет страданья о "черничке"
под колокольцев перезон.
... и для сугреву, по привычке,
пить из горла "Шабли-Мутонн".
Как сладко мчаться в Е-ску волость
в предновогоднюю метель,
где ждёт тебя сплошная вольность,
чурук и теплая постель;
засунув ноги в лисью полость,
и в серую уйдя шинель;
смешную предвкушая подлость,
а то и глупую дуэль; -
лететь себе в коляске!
Ель
летит навстречу вся в снегу.
Дымятся кони на бегу.

...Как славно, отпустив пролётку,
Когда все твердо решено...
дать Фольке гравенник на водку,
а то и в рыло, если что...
И кануть в снега решето.
...Как хорошо с гримасой сонной
войти, увидеть и отбить!
Пускай смотритель станционный
попробует тебе грубить...
Внушить, взять экипаж казенный,
пулярку скушать, и отбить
туда, где продолжает быть
жокматая ведунья вьюга.
...О, дивный век мне дует в ухо!
Как сладко ставить жизнь на ЗЕКО!
как славно, если любит часть!
...и быть гвардейским офицером:
жить, развлечений не дичась,
подряд за всеми волочась...
А также славно под прицелом
держать врага в урочный час.
И видеть поле, три фигуры,
соперника насупротив...
Но, вдруг! — хмельной хлебнув микстуры,
хватив ликой аперитив,
смертельной выпив палитуры,
и взоры к небу обратив, —
упасть на серую шинель! ...
забыться в белую метель!...
И удивленно умирать,
томясь дурацкой буквой Б /ять/.

х х х

Как будто все в последний раз.
И этот вечер с фонарями,
и этот лист в оконной раме,
и это сочетанье фраз...
92,

Как будто все в последний раз.
Как будто бы уже не будет
ни мокрых тополиных прутьев,
ни мира, ни меня, ни вас...
"

Как будто все в последний раз.
Как будто вот сейчас прервется,
и кончится, и не вернется, —
как будто все в последний раз...
"

Как будто все в последний раз.
Я постоянно ощущаю —
скоропостижного прощанья...
реальность... этакий маразм!
"

Как будто все в последний раз,
И я спешу, спешу всмотреться!
и вслушаться /о, чует сердце!.../
И расцветает третий глаз.
"

Как будто все в последний раз:
дома, прохожие, трамвай...
И я смотрю не отрываясь.
в последний, милый сердцу раз
на мир прекрасный без прикрас
тому, кто это понимает.
О, как мне больно! как мне мало!...
Еще разочек! только раз!...
"

Как будто все в последний раз:
и этот желтый лист осенний,...
и эти строчки... Все в последний.
Такое ощущенье, да-с,
"

Х Х Х

Была весна. Был ужас и кошмар:
Я умирал от нежности и пыла..
На площади в пол неба цвел каштан.
От этого еще больнее было.

Был март, апрель... был май, потом июнь...
за ним - июль... Была тоска и горечь.

Свивался мозг в спиральный нуль, как вьюн...
Был летний полдень, утро, вечер, полночь...

Был дождь. Была жара. Была печаль.
Сворачивался и стремился в небо.
Какие слезы лились на топчан!
Отчаянье какое! Сколько пепла!

Июнь. За ним - июль. Была не жизнь!
мираж безумный с роковым сюжетом!
абсурдное перетеканье жиз...
в больном мозгу, трепещущем как жертва!

Июнь... Река времен влекла топляк,
урча на перекатах, и впадая
в жизнехранилище. На тополях
был белый пух. Он опадал, "подтаяв".

Июль... За ним был Август - янычар.
Желвак самоубийства каждый день я
нащупывал в груди. А по ночам
в парадниках таились привиденья.

Июль. За ним был Август. Был сентябрь.
Мерцал фонарь. Луна была соблазном,
Душа моя запуталась в сетях,
и я метался в панике по плацу.

Мне больно было. Я терял ключ...
Но не было ответов и решений.
Печаль была, но не было причин.
Была война теней и отражений.

Был август. Было чувство беглеца,
и ощущенье крадущейся смерти.
Была тоска, и не было конца...
Была дыра в груди и камни в сердце.

Был август. Был сентябрь. Октябрь, ноябрь...
Сменялись дни с-неторопливым спехом.
И все ушиналась боль моя, . . .
пока не разрешилась первым снегом.

х х х

Бывает: вдруг приходит как будто
то самое, оно... да, не оно...
Как чудный сон, приснившийся под утро
давным-давно, давним-давно, давним-давно...
Да нет: когда - не вспомнить /завтра - что ли?.../
И что-- не вспомнить. Тё воашкинет мне
дорога, то - окно; пейзаж, до боли
знакомый: крыши, трубы... На окне
цветы. И чей-то голос странный, странный...
Не помню чей. На вешалке пальто...
Забытый сон, и очень очень старый. . .
Шумит листва... Да нет! Словсем не то.
А просто: голоса, мельканье пятен,
игра полутеней, какой-то звон...
чредование линий... Непонятен,
но сладок сон, но сладок сон, но сладок сон...
Бывает вдруг пригрезится, как будто
/домыслить бы, но-- ах! - не уберечь.../
какой-то сон, приснившийся кому-то
когда-то там... Но не об этом речь.
Меня уже давно от жизни будит
проблема Бога /нет ее онасней/...
... Я думаю, что после смерти будет
все вобщем также, но - еще прекрасней!

х х х ..

Вот я стою, а планета.
кажется книгой развернутой...
Ах! я люблю это небо,
с лунами, шпилями, звездами...

Вот я, уставившись цемо-
внутрь, — прохожу под воротами.
Ах! я люблю эти недра
с болью, страстями, пороками...

Вот я стою в отдаленьи...
в драном пальто и под зонтиком,
и от любви на колени...
падаю в лужу. Экзотика!

Ах! я люблю эту лужу!
Но и тоскую безмерно я...
Вся моя жизнь — сладкий ужас
в предощущении бессмертия.

Вот я стою на Галерной
улице, в луже гофрированной.

Как этот мир эфемерный
мастерски закомуфлирован!

Вот я стою, мокр и грязен;
и умираю от нежности,...
думая: "Мир так прекрасен!"...
Но, ведь не судят по внешности..."

Так рассуждаю и вижу
/не насмотреться во веки мнё!/:
рваную шину в луже афишу,
площадь с фонарными вехами...

Грустно! но надо, похоже, —
все это вылюбить к лешему...

Боже!
милостив будь мнё, грешному!

х х х

Господи! Господи! Господи!
все мнё на свете нравится.
Кроме того, что крадется.
Смерть, кастелянша грозная;

Коснай и несноснай,
грязнай и безноснай;
и сладострастно скелится,
сводница венценосная!

Господи! Господи! Господи!
счастливо то как, - счастливо!
плакать и быть участником
этой речи бескозной,
жизни этой печальной! -
Кроме отдельных частностей
/мы - не перечислятели/, -
как все искусно создано! -
до песчинки мельчайшай...

Господи! Господи! Господи!
все говорю я грешности...
Смерть победил Ты кротостью,
время отмерил Вечность,
частности - это мелочи;
сужье для брака с нечистью
вручил ободоострое;
на будущей Глашной Вечери ...
уэрим Тебя с Нами вскорости.
Все отдал нам Сын Человеческий,
живите - сказал - без горести,
не обольщайтесь венностью.
Так. Но люблю я в горькости
сей мир, уязвленный гордостью.

Все эти дворы гудящие,
все эти ветра, скандирующие,
в эти дожди, бомбардирующие
градом /небесные хризанды/,
и эти снега, - летящие
на головы логорифмирующие,
и вещи форму варьирующие,
и мысли внутри-горящие...
и походов флангирующих,
и строков существующих,

и стариков сутуляющихся,
и врагов лютующих,
и двойников дублирующих,
и домовых квартирующих,
и двойников аплодирующих,
и горняков саботирующих,
и президентов лидирующих,
и соцъялистов планирующих,
и соколов планирующих,
и соловьев солирующих
в зарослях орешника...

Прости меня, грешника!..

х х х

Я подобен часовому механизму —
очень сложное и тонкое устройство.
Если внутрь меня заглядывать сквозь призму, —
то почувствуешь большое беспокойство.

Уж накручено, наверчено — о, ужас!...
шестерни, кружочки, живчики, пружинки...
Все звенит, стрекочет, тикает и кружится.
Ах! какие выкрутасы и ужимки!

Виртуозная, капризная машина!
Все так в ней взаимосвязано удобно! —
попадет в завод мельчайшая пушинка;
и — готово!...

Но вообще несправедлив навряд ли буду:
в целом штука ничего себе, дай Боже!
Так что если отстает, так на минуту.
С половиной /это в сутки/, — но не больше.

А вперед дак и совсем не забегала.
Волокиты, пустозвонства и простоев
/есть от этого секрет.../- не возникало.
/Также и противоударное устройство.../

Только нету гарантийного талона.
И инструкция куда-то затерялась.
И качается растральная колонна,
когда ночью, завернувшись в одеяло,
ищешь дом, и платишь дань алкоголизму,
с мордой, имеем заросшей как коростой.

... Я подобен часовому механизму —
очень сложное и тонкое устройство.

Я смонтирован часовщиком-евреем;
о жилеты стерлись: город, имя, дата...
Я неясное показываю время,
и иду в необозримое куда-то...

... Вот иду я как положено курантам:
переулком, закутком... затем — на площадь
выхожу, ложусь на снег и аккуратно

БЫ ПОЛНОЧЬ!

х х х

Хочу забыться, и в вечер поздний
уйти, шатаясь, в безлюдный сад,
полупавший. Пусть будет осень.
И пусть не будет пути назад.

Хочу исчезнуть. Туда куда-то...
с утра все тянет какой-то шар...
Еще: вихревые вдруг ЛЯДЯТА /?/ —
в мозгу возникли, — такой кошмар.

Хочу растаять в туманном НЕЧТО,
и не хочу никаких услад.
Так странно-больно... И я навечно
желаю сгинуть в осенний сад.

Пускай не будет ни слов, ни мыслей,
ни чувств, ни прошлого, ни ЛЯДЯТ...
И только листья, листья, листья,
листья,

листья,

листья

летят! ...

х х х

✓

Дымятся кучи бурого угля.
Проходит грузчик Вася в грязной робе,
облепленной кристалликами льда.
Кричат в эфире черные вороны.

Сижу на досках. Рядом — кочегар...
Гляжу в пространство и, любя, — тоскую.
Я вычурный советский кочегар,
Я гнев "Че Ка" испытывать рискую.

Но это все — туфта и блеф, и я
смотрю на небо в тучах, в прутьях, в трубах...
Структурная решетка бытия
сквозит порой откуда-то оттуда...

Пытаюсь обозначить до конца
ее, и уяснить себе навеки.
... Ах, как красива синяя пыльца!
октябрьской ледяной росы на ветке

поверженного ясения. Молчу.
Я что-то недопонял в окруженьи.
Я до безумья совершил хочу
необщее природы выраженье
в сей день осенний. ... Звонкая фреза.
звенит в прозрачном воздухе морозном.
Белеют сквозь деревья корпуса ..
"в неповторимой перспективе России!"

Фонарь терчит /старинный-каанделябр/
А рядом — колесо от самосвала..
... Игра таинственных координат:
чтоб ставить душу, словно голос ставить.

О, ясный лес! о, чистая краса! ..
о, миг осенний! о, моя работа! ..
о, голый клен! о, ясень! о, сосна! ..
... Как камерный оркестр поет природа!

Поет округа, озеро и пруд:
смычки, попитры, грифы, деки, струны...
Виола, скрипка, альт... ольха и дуб...
" " " "

Цветут в аллеях мраморные урны.

А я сижу... и слышу как трещат
под кирзачами лужи, это дворник
Амфиомант Степанович Лещак
несет метлу и жестяной подойник.

" " Молчу на досках, светел от росы.
Неполнота моя, меня не мучай!...
Голубовато-черный антрацит
мерцает справа, сваленный в три кучи.

Потом - сторожка, ящики, барак,...
забор-зубчатый... А над ним - там НЕБО.
И туча в прутьях, - как огромный барк,
запутавшийся в небывалый невод!

" " Как сладостно предзимнею порой,
работая истопником в котельной;
лиловой перемазавшись золой, -
наружу выйти, в хрупкие владенья
пространства. И следя летящий лист, -
последний желтый лист, летящий с неба, -
вдруг воспринять душой прекрасный смысл,
нездешний смысл невыпавшего снега!...
" " " "

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Он стоит и молчит. -
Тополь - многосочит -
за окном говорит ниочем...
Он моргает. Потом
надевает пальто
с перепачканным мелом плечом.

Он зовется Модест...
Он выходит в подъезд.
Громыхают в кармане ключи,
клохчут спички в другом...
И в ушах стоит гром.
... Он выходит во двор и молчит.

Он куда-то идет.
Жизнь ему "не идет"
знает он, поправляя очки.
В этот пасмурный день
он, как серая тень
на свету незамечен почти.

Он идет в ветхий сад.
Проплывает фасад
дома, тополь, троллейбус, фонарь,
ларь, прохожий, киоск...
Он выходит на мост,
в дождь закутан как в тонкий фуляр.

Он не знает зачем
он такой человек,
и такая тоска без причин.
Он не хочет назад...
Он идет в старый сад
и молчит,
и молчит,

и молчит.

... В небе - пенье валторни.
Ветер... полы пальто.
загибает, и стаи листьев
прибивает к земле.
Наш герой "не в себе":
он - в тоске... И чихает, простыв.

"Ах, зачем я такой ...
мыслит он, - и на кой...
этот Я, многолик, волосат..."

Он минует пустырь,
переходит мосты,
и приходит в таинственный сад.

В небе - туча плывет...
Сеет дождик... И вот -
призрачный индивидуалист
он стоит и глядит
как по ветру летит
ЖЕЛТЫЙ ЛИСТ,
- ЖЕЛТЫЙ ЛИСТ,
- ЖЕЛТЫЙ ЛИСТ.

Х Х Х

Он молчит. И глаза
опускает назад...
возвращается старым путем,
мимо черных оград
проходя точно ВРАН
белый - чудаковат, непутев...

Вот - ключем отперев
дверь - он на табурет...
опускается как в полусне...
И не смотрит во ВНЕ,
где кружится в окне
ПЕРВЫЙ СНЕГ,
ПЕРВЫЙ СНЕГ,
ПЕРВЫЙ СНЕГ!

Х Х Х

Перейдя бесконечную площадь,
как по диагонали квадрат,...
ты домой возвратишься, как почта...
возвращается вспять, если вдруг...

Перейдя бесконечную площадь

с гулом лироподобных оград, — . . .
ты домой возвратишься, как лошадь
возвращается в стойло. И вот . . .

Перейдя бесконечную площадь —
с фонарями и ветром утрат, — . . .
ты домой возвратишься за полночь,
сам себе как обузе не рад.

Сам себе — безразличный прохожий
с потемневшим испитым лицом: . . .
ты пальто снимешь в тусклой прихожей,
увавоженной палым листом.

И разбитые скинув опорки, . . .
с М-образным рисунком подошв, — . . .
ты погреться у сырой камфорки
на постылую кухню пройдешь.

И увидишь сквозь пьяную копоть . . .
как сквозист и ни с чем не сравним, — . . .
опервшись на светящийся локоть,
ШЕСТИКРЫЙ СИДИТ СЕРАФИМ.

Да.. На кухне, где пахнет картошкой
и валяется битый сервиз . . .
Да: на стуле с отломанной ножкой
ШЕСТИКРЫЙ СИДИТ СЕРАФИМ.

Он заметит тебя, и плечами
поведет. И, подняв очеса,
спросит: "Где же ты бродишь ночами?
Я тебя жду уже три часа . . ."

И, привстав, золотыми перстами . . .
ЗНАК покажет,.. и скажет: "Пойдем . . ."
Что глядишь на Меня ты так странно?
Роворю же: довольно . . . пойдем . . ."

. . . И вы выйдете вместе на площадь
продувной галереи двора.

Ты услышишь - как дивно полощут
за спиной огневые крыла...

Его голос как звук мандолины...
или -- лучше -- как музыка сфер...
И запахнет мороз мандарином,
и коснется лица ПЕРВЫЙ СНЕГ...

Вы пойдете все дальше и дальше.
мимо зданий, деревьев, оград...
А по следу -- последний и страшный
будет СНЕГ засыпать Ленинград.

Вы пойдете все выше и выше...
оставляя светящийся след;...
таксофоны, трамваи, афиши...,
И растаете в небе совсем.

Да: Вернувшись,..ты в угол зашвырнешь
башмаки, и сказав "СЕЛЯВИ..."
ты на кухню войдешь и увидишь:
ШЕСТИКРЫЛЫЙ СИДИТ СЕРАФИМ.

Да: однажды ты курево вынешь,
и на кухню войдешь, серебрист
от мороза. И сразу увидишь:
ШЕСТИКРЫЛЫЙ СИДИТ СЕРАФИМ.

х х х

Не верь поэту: все он лжет,
все брехет, окаянный ферт!
Не верь словам прелестных жен,
и солнцу ясному не верь.

Не верь безверью коммун, ...
не верь волне, не верь судьбе...
Не верь чему, не верь кому,
а -- главное: не верь себе.

Но верь в себя, в себя того...
Вернее — верь Ему в тебе...
Вообще — немножко будь "того"...
и научись, любя, терпеть.

Не верь газетным новостям:
отмеривай и проверяй.
И вообще: любым властям
не слишком доверяй.

Благочестивый будь невер...
О, в счастье не верь! в покой!
Не верь в страданье, в смерть навек;
и ангелам не верь, покори.

Не верь поэту, флейте...
Верь
лишь только веющим тополям,
которые качает ветр...
в тоске и с горем пополам
дегтярной ночью в октябре:,
особо — если хлещет дождь
равноапостольский: тебе
полезна эта ложь.

Х.Х.Х

Декабрьской улицей при фосфорической луне
семь ломких ангелов на замороженном окне...
одежда их и крылья в кристаллических бликанках/
галантно проступают в серебристой глубине,
и вдаль ступают, — что-то бережно неся в пробирках,
светясь и не истаивая на голубом огне,
пощеколотку в бриллиантовых опилках.

х х х

Деревьев шум как выщербленный куб
над черным городом-повис.
Как куб, смонтированный из
тревожных шелестов зеленых губ.

Из шороха, из лепетанья губ
уже не изумрудных, но — землистых.
Люблю полночный августовский гуд
под ветром разрушающихся листвьев!

Се — параллелипипед, весь в увечьях
полночных воплей человечьих.

Качается бесформенный сей куб —
над городом как странная "шар-баба".
И слышу я как лошадиный круп. . .
летит к подножью бывшего генштаба
с чугунным скрежетом. . .

Внести свой голос в куб
любая может лиственная швабра...

Ночь. У подъезда топчется инкуб.
Электролампочка горит коммарно,

Вот шумный куб, как сена воз
над городскими перекрестками, . . .
потрескавшийся криками и звездами,
пронзенный ужасом насквозь, . . .
висит, бесплотный как "авось".

Деревьев шум — как выщербленный куб
из лиственного мяса и гранита...
Так, если возвести страх-смерти в куб
не вычислить холмистую равнину,
не получить покатый купол...

х х х

Мне снилось будто я лежу —
в земле, а у меня из горла
растет ольха и листвьев шум
таинственный и скорбен.

И вот лежу я на лугу.
/в лугу, под лугом... - ни гугу.../
с ольшиной, выросшей из горла,
и слушаю тревожный гул.
Но ветер дому гнет ольху
и выворачивает с корнем.

х х х

Разбитой дорогой /пообочь кусты шевелятся/
дегтярной ночью в конце октября
на дальний электробутон я бреду, но Тебя
там нету. Лишь дикие тени в кустах шевелятся:
зрачки их умеют то щуриться, то - расширяться.

Дремучей дорогой бреду на далекий огонь,
сквозь хищные прутья деревьев-желтеющий жутко..
Сквозняк пробежал, и легла на загривок ладонь
прохладная - ах! - это глупая лунная шутка...
Во мраке таится упырь - вижу глаз его жухлый.

Проклятой дорогой бреду неизвестно куда.
Что светится там: свечь в окошке? гомункул в про-
... бирке?..
Поганая смерть /висломаяса, грудаста, млада/
все льнет к голенищам, мурлыча, под видом кота.
Свисают с дубов саблезубые жены-вампирки.

Зловещей дорогой в каком-то кошмарном бреду.
по кочкам, корягам, по гадам ползучим - бреду.
Не вижу ни зги. Слышу вопль человечий во мраке
и-рык-кровожадный - видать, у меня на роду
написано: "Кончить тебе жизнь в кромешном овраге,
и с гирей на шее протухнуть в замшелом пруду..."

Недоброй дорогой бреду на огонек-огонек;
ищу, но не видно Тебя. И все также далек
счастливый конец непролазному этому лесу,
где Ветер - гиусавый ведьмак - служит черную мессу;
где вокруг головы вьется черной тоски мотылек...

Бреду во хмель, полумертв. Завалящему бесу
на морду сапог наступаю, еще принадег...
взжит! Прыснул в сторону глаз-уголек.
Пообочь дороги - кусты шевелятся как бездна.
